

О РОЛИ КОДИФИЦИРОВАННОГО НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА В ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРЫ ПРАВА

Уфимцева Екатерина Владимировна

Аспирант Уральского государственного юридического университета (Каменск-Уральский),
e-mail: tgp@usla.ru

Характеризуется один из критериев разграничения отраслей в системе отечественного права – наличие кодифицированного нормативного правового акта в системе законодательства – с точки зрения его субъективности и объективности. Автор приводит и анализирует аргументы исследователей, выступающих за и против использования данного критерия при выделении самостоятельных отраслей в структуре системы права. Перечисляются основные черты кодифицированного нормативного правового акта и описывается механизм влияния структурных изменений системы законодательства на систему права.

Ключевые слова: система права, система законодательства, критерии отраслеобразования, кодификация законодательства, кодифицированный нормативный правовой акт

ON THE ROLE OF THE CODIFIED NORMATIVE AND LEGAL ACT IN DETERMINING THE STRUCTURE OF LAW

Ufimtseva Ekaterina

Urals State Law University (Kamensk-Uralsky),
e-mail: tgp@usla.ru

The author characterizes the codified legal act in the system of legislation as one of the criteria of differentiation of branches in the system of domestic law by taking into account its subjective or objective character. She provides and analyzes different arguments both for and against using this criterion in a process of differentiation of branches of law in the structure of law. The main characteristics of the codified legal act are presented and a mechanism of the influence of structural changes of the legislation system on the system of law is described.

Key words: system of law, system of legislation, criteria of differentiation of branches of law, codification of legislation, codified legal act

Вопрос об элементном составе структуры российского права остается одним из наиболее дискуссионных в отечественной юриспруденции. С конца 30-х гг. XX в. советские теоретики приступили к углубленному исследованию права как системы, структурного строения данной системы и, конечно, факторов, определяющих это строение. Острые споры отечественных ученых о системе права, с особой силой разгоревшиеся в 50–60-х гг. прошлого века, поутихли к концу 80-х – началу 90-х гг. Однако вскоре российские исследователи вновь обратились к анализу обозначенной проблематики: за последние 10–15 лет опубликовано множество научных статей, монографий, защищены кандидатские и докторские диссертации, посвященные систематике в праве, системе права и ее структуре. Вместе с тем множество вопросов в данной области по-прежнему недостаточно изучены. Это вопросы о соотношении понятий «система

права» и «структура права», «система права» и «система законодательства», об элементном составе структуры системы права и др.

Одним из наиболее «больных» для отечественной теории права остается вопрос о критериях разграничения отраслей права (их вслед за А. А. Головиной допустимо именовать «критериями отраслеобразования»¹). Его не удалось окончательно разрешить ни в рамках советских дискуссий о системе права, ни в рамках исследований современных авторов, что неоднократно подчеркивается ими же самими².

Большинство современных исследователей, продолжая советскую научную традицию, утверждают, что определяющими критериями разграничения отраслей в системе права являются предмет и метод правового регулирования. Указанной точки зрения придерживаемся и мы. Однако наряду с названными критериями в литературе приводятся и другие: принципы и функции права, цель правового воздействия, наличие особого статуса субъектов правоотношения, конвенциональность восприятия того или иного нормативного массива в качестве отрасли права, источники (формы) выражения норм права, внутреннее строение отрасли права и т. д.³ Некоторые авторы высказывают критические замечания по поводу «разрастания» круга критериев разграничения отраслей в системе права, а также отмечают негативную тенденцию к использованию многих из них для обоснования существования в качестве «отраслей права» тех или иных нормативных массивов, которые к настоящему моменту таковыми назвать нельзя, поскольку они представляют собой лишь нормативные комплексы, чаще всего крупные правовые институты, или же только находятся в стадии «перерастания» в комплексные отрасли права⁴.

Вместе с тем, на наш взгляд, большой исследовательский интерес представляет такой критерий разграничения отраслей в системе права, как наличие кодифицированного нормативного правового акта в системе законодательства.

Сразу оговоримся, что этот критерий отраслеобразования отнюдь нельзя назвать «популярным» среди современных исследователей (по сравнению, к примеру, с принципами права). Так, Д. М. Азми отмечает, «что наличие отрасли в праве некорректно мотивировать, как это иногда встречается, существованием систематизированного нормативного правового акта, ибо по своему назначению система права носит в сравнении с законодательным (нормативным правовым) группированием определяющий первичный характер»⁵. Автор также подчеркивает, что система права по сравнению с системой законодательства более «стабильна» в силу своей «теоретизированности, абстрактности» и изменения в одном из элементов системы законодательства (к примеру, в статье закона) не приведут к изменению системы права

¹ Головина А. А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 6.

² Азми Д. М. Факторы и вариации структуризации права // Современное право. 2010. № 9. С. 9–12; Свирилин Ю. А. Теоретические проблемы отраслевого деления системы российского права // История государства и права. 2011. № 9. С. 10–14.

³ Азми Д. М. Историко-теоретический и методологический анализ структуры права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 11; Свирилин Ю. А. О критериях деления права по отраслям // Современное право. 2010. № 10. С. 21–23.

⁴ Головина А. А. К вопросу о понятии критериев отраслеобразования в системе российского права, их теоретическом и практическом значении // Право и государство: теория и практика. 2011. № 6. С. 12–14; Васильев В. В. Системность гражданского права // Там же. 2011. № 2. С. 35–37.

⁵ Азми Д. М. Структура системы права: понимание, значение, срезы // Академ. юрид. журн. 2010. № 1. С. 10–12.

в целом («в чистом виде»), тогда как малейшие преобразования в системе права непременно скажутся на системе законодательства¹.

Интересна и точка зрения А. А. Головиной. Она, проводя разграничение между критериями отраслеобразования «объективного» и «субъективного» характера (что, по нашему мнению, весьма продуктивно для выявления наиболее «эффективных» и теоретически обоснованных критериев), относит критерий наличия кодифицированного акта в системе законодательства к группе «субъективных», применение которых «позволяет доказать самостоятельный статус практически любого правового образования, что и приводит к столь большому количеству „новых“ отраслей права, обосновываемых в современном российском правоведении»². А. А. Головина также указывает, что в системе современного отечественного законодательства существуют кодифицированные акты, соответствующие не отраслям права, а более мелким структурным элементам системы права – подотраслям. В пример приводятся водное, воздушное, лесное право³.

Негативная оценка рассматриваемого критерия не нова для отечественной теории права. Еще в 1960-х гг. О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский отмечали: «Учитывая различие, существующее между понятиями системы права и систематики юридических норм, надлежит прийти к выводу, что систематика действующего законодательства не может быть положена в основу научного изучения системы права по следующим причинам: 1. Законодательство далеко не всегда систематизируется целиком, в частности советское право в целом не систематизировано. Однако если бы такая систематизация имела место, то и она выражала бы лишь мнение лиц, ее создавших, о целесообразном расположении норм в своде и ничего более. 2. Сведение отраслей права только к кодифицированным областям не выдерживает даже элементарной критики. Достаточно указать на то, что у нас нет административного кодекса, хотя никто не сомневается в существовании самостоятельной отрасли административного права. В то же время имеются такие кодексы, как таможенный, воздушный, исправительно-трудовой, кодекс о льготах для военнослужащих и военнообязанных Советской Армии и их семей, кодекс торгового мореплавания, хотя подавляющее большинство перечисленных отношений никто никогда не предполагал выделять в предмет регулирования самостоятельных отраслей права»⁴.

Как видим, авторы в своей критике также опирались на «субъективность» исследуемого критерия и фактическое существование в системе советского права (как и в системе современного) кодифицированных актов, «оформляющих» не отрасли права, а более мелкие структурные элементы системы права.

С. В. Поленина, характеризуя тенденции к стремительному «разрастанию» системы советского законодательства и появлению огромного количества нормативных правовых актов комплексного характера (в том числе кодексов), указывала: «Рост числа комплексных отраслей законодательства по мере ускорения темпов нормотворческой деятельности государственных органов и увеличения множественности издаваемых комплексных законов и подзаконных нормативно-правовых актов происходит достаточно стремительно. Вместе с тем едва ли правильно на этом основании делать вывод, что комплексная кодификация пришла на смену кодификации

¹ Азми Д. М. Структура системы права: понимание, значение, срезы.

² Головина А. А. К вопросу о понятии критериев отраслеобразования в системе российского права, их теоретическом и практическом значении. С. 30–34.

³ Там же.

⁴ Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 335.

в рамках существующих отраслей права, и полагать, что данный процесс отражает современную тенденцию развития отраслевой (горизонтальной) структуры законодательства. Общее число отраслей права... всегда меньше числа отраслей народного хозяйства и сфер социально-культурной жизни, которые служат предметом комплексных образований законодательства»¹.

Таким образом, рассмотрение кодифицированных актов в системе законодательства в качестве показателей самостоятельности того или иного нормативного образования в системе права как отрасли критикуется давно, причем не только современными исследователями: негативная оценка данного критерия высказывалась и весьма авторитетными советскими теоретиками права. Однако справедливости ради отметим, что существует и иная точка зрения. Как в советское время, так и сегодня приводятся аргументы в пользу применения критерия наличия кодифицированных нормативных правовых актов в системе законодательства как показателя специфичности не только нормативного образования внутри структуры системы права, но и зачастую именно отрасли права или нормативного образования, находящегося в переходном состоянии между крупным правовым институтом (группой институтов) и комплексной отраслью права.

Не будет преувеличением сказать, что наиболее глубоко и обстоятельно вопросы, касающиеся структуры права, характеристики ее элементов и типов взаимосвязи между ними, в отечественной юридической науке исследовал С. С. Алексеев. Основные его размышления о структуре советского права, в том числе о критериях обособления отраслей права и об иных факторах, способных оказать влияние на структуру системы права, нашли отражение в монографии «Структура советского права» 1975 г.

Прежде всего ученый подчеркивал, что структура системы права имеет объективный характер. Вместе с тем он был против придания ей черт «фатальности, вечности и неизменности», а также отрицал, что структура права находится в полной независимости от законодателя². При этом С. С. Алексеев ссылаясь на О. С. Иоффе: «Не следует смешивать волевое происхождение того или иного явления и его объективные качества»³. Хотелось бы привести слова автора, которые, на наш взгляд, могли бы составить «сердцевину» критики в адрес приведенной ранее негативной оценки исследуемого критерия: «Активная правотворческая деятельность законодателя, выражающаяся в содержании нормативных актов, их соотношения, – причем только эта деятельность и ничто иное – воплощает воздействие на структуру права субъективных системообразующих факторов и со временем приводит к целенаправленным преобразованиям в его ткани, структуре»⁴. Если механизм влияния изменений в структуре права на содержание и структуру законодательства представить достаточно просто, то описать обратный процесс – влияние структурных изменений системы законодательства на структуру системы права – нелегкая задача. Однако С. С. Алексеев в работе «Структура советского права» ее выполнил.

¹ Поленина С. В. Система права и система законодательства в современных условиях // Правоведение. 1987. № 5. С. 30–35.

² Забегая вперед, отметим, что С. С. Алексеев не был склонен считать наличие кодифицированного нормативного правового акта в системе законодательства безусловным показателем существования в системе права соответствующего нормативного образования со статусом отрасли права.

³ Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 56.

⁴ Систематизация хозяйственного законодательства. М., 1971. С. 49.

С. С. Алексеев охарактеризовал соотношение структуры права и системы законодательства как соотношение содержания и формы. Как известно, форма и содержание находятся в теснейшей и сложной взаимосвязи. Содержание определяет форму, однако и форма в свою очередь способна оказать влияние на содержание. Тесная взаимосвязь и постоянное взаимодействие между структурой права и системой законодательства подчеркиваются и современными авторами. Важно, что С. С. Алексеев, не отрицая сильное «субъективное» воздействие законодателя на систему законодательства, называл эту систему «явлением объективного порядка, своего рода „вторым измерением права“», такой системой, в которой существует соединение «объективных моментов с субъективными»¹.

Итак, система права по своему характеру объективна. Но не автономна от человеческого сознания и еще ряда внешних факторов. Нельзя утверждать, что система права развивается где-то за пределами человеческого сознания и условий существования общества и государства. Вместе с тем, признавая объективность системы права и ее тесную взаимосвязь с системой законодательства, можем ли мы говорить о полной субъективности последней? Получается, что явление объективного порядка «отображается» сугубо в «субъективном» свете? Только исходя из усмотрения законодателя? Представляется, что нет. На наш взгляд, в большинстве своем система законодательства развивается согласно тем же объективным закономерностям, что и система права. И важнейшими задачами законодателя являются как раз установление этих объективных закономерностей и следование им. Именно так будет достигнута максимальная гармония между системой права и системой законодательства, о которой столь часто пишут в настоящее время.

Сложно спорить с тем, что законодателю так или иначе приходится «считаться» с объективно сложившейся «действительностью» системы права, законом связи элементов в ней. В противном случае «произвол» в деятельности законодателя может привести к весьма печальным последствиям: выбору неэффективных методов правового регулирования определенных общественных отношений, возникновению пробелов в праве и правовых коллизий, снижению продуктивности правового воздействия на общественные отношения и др. Сам С. С. Алексеев по данному поводу писал: «Для законодателя структура права выступает как своего рода объективная закономерность. Законодатель не волен (без ущерба для эффективности права) „кроить и перекраивать“ нормативные юридические акты, произвольно менять их строение и иерархию»².

Учитывая изложенное, мы не можем вполне согласиться с приводимым в современной литературе утверждением о том, что такой критерий отраслеобразования, как наличие кодифицированного акта в системе законодательства, является абсолютно субъективным.

Что касается «формы выражения» законодательного массива в рамках кодифицированных нормативных правовых актов, то в научной литературе давно обсуждается проблема наличия в отечественном законодательстве большого числа нормативных правовых актов, называемых «кодексами», но, по сути, таковыми не являющихся. Интересна и точка зрения о том, что некоторые современные нормативные правовые акты, обладающие, по мнению авторов, всеми признаками кодифицированного акта, существуют в форме «простых» федеральных законов. Такая позиция озвучивалась,

¹ Алексеев С. С. Структура советского права. С. 59.

² Там же. С. 60.

к примеру, в отношении Закона РФ «Об образовании»¹ (и вполне применима, на наш взгляд, к действующему ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»²).

Д. М. Азми утверждает, что «в настоящее время содержащийся в наименованиях достаточно большого числа статутов термин „кодекс“, в сущности, имеет только лишь символичный, но не собственно-содержательный характер». Кодифицированный акт, по мнению автора, является результатом такого упорядочения нормативного материала, «которое исключает наличие в итоговом документе повторений и противоречий, предусматривает восполнение ранее выявленных юридических пробелов и преобразовывает (трансформирует) содержание соответствующих юридических предписаний»³. Таким образом, Д. М. Азми особенностью кодифицированного акта называет его способность определенным образом «качественно» преобразовывать и организовывать нормативный материал.

С. С. Алексеев также рассуждал о главных чертах кодифицированного нормативного правового акта. Наиболее важной чертой кодекса ученый считал наличие в нем нормативных обобщений: «Эти нормативные обобщения есть реальный показатель существования правовых общностей»⁴. При этом кодифицированный акт, соответствующий основной отрасли права, характеризуется, по словам ученого, «полнокровной» общей частью и «глубокой интеграцией всего правового материала», тогда как в кодифицированном акте, соответствующем комплексной отрасли права, формулируются лишь некоторые принципы, отдельные общие понятия и приемы регулирования. Следовательно, С. С. Алексеев видел специфику кодекса не только в его способности определенным образом «организовать» нормативный материал, но и в характере его «содержания» – наличии в нем особых «правовых общностей» либо, как минимум (для комплексных кодифицированных актов), общих правовых принципов, понятий и приемов регулирования тех или иных общественных отношений.

Представляется правильной точка зрения именно С. С. Алексеева. Высокое «качество» нормативной организации может быть присуще и обычному некодифицированному закону: он может обеспечивать эффективное правовое регулирование определенного участка общественных отношений, отсутствие пробелов в правовом регулировании и правовых коллизий, заново «перерабатывать» отдельные нормы права. Но станет ли он при этом актом «кодифицированного характера»? Представляется, что нет. Иначе зачем именовать отдельные нормативные правовые акты «кодексами»? В «Большой советской энциклопедии» под кодексом понимается «единый систематизированный законодательный акт, в котором содержатся нормы права, регулирующие какую-либо определенную область общественных отношений». Мы согласны с тем, что кодифицированный акт должен характеризоваться свойством системности и для обеспечения этой системности ему в любом случае нужно иметь определенные нормативные общности, единые принципы, терминологию, представляющие собой «ядро» системы нормативного правового акта.

¹ Об образовании: Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (с изм. от 12 ноября 2012 г.) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 396.

² Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2013 г. № 273-ФЗ (с изм. от 31 декабря 2014 г.) // СЗ РФ. 2013. № 53 (Ч. 1). Ст. 7598.

³ Азми Д. М. Историко-теоретический и методологический анализ структуры права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 21.

⁴ Алексеев С. С. Структура советского права. С. 62.

Рассмотрим пример. Сравнение двух нормативных правовых актов – ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и Воздушного кодекса Российской Федерации¹ – позволяет прийти к заключению, что по своему содержанию и структуре первый акт больше «похож» на кодекс, нежели второй: в нем присутствует общая часть, определяющая предмет регулирования указанного ФЗ, приведены понятия, используемые в тексте акта, названы основные принципы государственной политики и правового регулирования в сфере образования, описаны отдельные приемы правового регулирования конкретных видов общественных отношений в области образовательной деятельности. Воздушный кодекс РФ также включает в себя главу об общих положениях, однако в ней не сформулированы какие-либо «универсальные» правовые общности: нет единых принципов правового регулирования в области авиации, единого терминологического набора. Кроме того, само содержание акта, с нашей точки зрения, не обладает четкой «системной» структурой: вместе собраны нормативные положения и об организации воздушных перевозок пассажиров (при этом общие положения о договоре перевозки регламентированы также Гражданским кодексом РФ), и об административно-правовом регулировании в области организации авиации, и об ответственности перевозчика и т. д.

Думается, подобная ситуация сложилась по той причине, что нормы права, регулирующие отдельные вопросы в области авиации, в совокупности до сих пор не представляют собой отрасли права (и, безусловно, не являлись ею на момент принятия Воздушного кодекса РФ). Соответственно адекватно «отразить» все это нормативное «многообразие» в едином законе (тем более в кодифицированном) – не самая простая задача.

О проблеме «формы» нормативных правовых актов исследователи спорили не раз. С. С. Алексеев говорил, что прежде чем придать нормативному правовому акту статус кодекса, необходимо максимально объективно подойти к решению вопроса о том, «готово» ли к этому нормативное содержание системы права, обладают ли соответствующие нормы права той степенью единства и взаимосвязи, которую нужно отразить в кодифицированном акте, образуют ли они определенные универсальные правовые общности, единые принципы правового регулирования².

Однако вернемся к нашему главному вопросу: как именно нормотворческая деятельность законодателя может оказать влияние на реальную структуру права?

Прежде всего подчеркнем еще раз, что изменить структуру права лишь по одному усмотрению законодателя, без учета реальных связей между нормами права в структуре его системы невозможно, а если законодатель и совершает подобные попытки, они могут иметь весьма печальные последствия, которые позже все равно придется устранять.

Вместе с тем в истории отечественного права были периоды, когда систематизационная деятельность законодателя практически заново «рисовала» структуру системы права. В пример можно привести издание Свода законов Российской империи: проведенная систематизация нормативного материала «указала» каждому нормативному предписанию его место в общей системе, обозначила логические и генетические связи между отдельными предписаниями и выстроила их строгую иерархию, что в дальнейшем, безусловно, оказало определяющее влияние на формирование структу-

¹ СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

² Алексеев С. С. Структура советского права. С. 60.

ры системы российского права, ее усложнение и совершенствование. К слову, идея о том, что на разных этапах становления российского права законодательство играло ведущую роль в оформлении его системы, не нова для отечественной науки¹.

Кроме того, воздействие изменений в системе законодательства на структуру права (уже сложившуюся и успешно функционирующую) возможно и путем преобразования содержания правового регулирования.

К примеру, ранее в отечественном законодательстве нормы административно-процессуального характера находили отражение в трех различных нормативных правовых актах: Гражданском процессуальном кодексе РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ и Кодексе РФ об административных правонарушениях. Очевидно, что в подобной ситуации о формировании единого механизма правового регулирования административно-процессуальных отношений говорить не приходилось: он был как бы «растворен» (по крайней мере, в сфере судопроизводства) в нормах гражданского и арбитражного процессов, хотя, как неоднократно отмечали исследователи, административно-процессуальные отношения специфичны и соответственно для них должен быть обеспечен особый механизм правового регулирования. Как представляется, издание Кодекса административного судопроизводства РФ² было нацелено прежде всего на создание такого механизма и смогло как бы «объединить» административно-процессуальные нормы, усилить связи между ними не только в системе законодательства, но и в структуре права, подчеркнуть их «генетическое» единство и отразить самостоятельность данной отрасли в системе права. Думается, именно такой случай мог подразумевать С. Н. Братусь, который еще в 1963 г. отмечал: «Имея в виду активную роль правовой надстройки в формировании новых общественных отношений (если предпосылки и реальные условия для этого созрели), следует признать правильным утверждение, что развитие соответствующей отрасли законодательства при наличии определенных объективных предпосылок является средством, содействующим формированию новых отраслей права, что законодательство в этих случаях является как бы катализатором, который способствует объединению разнородных правовых элементов, выявлению их единства»³.

Конечно, в настоящее время рано говорить о появлении в теории права таких «новых» критериев отраслеобразования, которые по своей значимости и эффективности могли бы встать в один ряд с предметом и методом правового регулирования. Однако учитывая всю сложность и разнообразие современных видов общественных отношений, мы вынуждены констатировать, что использования только этих критериев в ряде случаев явно недостаточно для правильного разграничения отраслей права в его структуре. И тогда появляется возможность применить дополнительные, субсидиарные критерии, к которым, на наш взгляд, относится и наличие кодифицированного нормативного правового акта в системе законодательства.

Многие современные исследователи отвергают данный критерий в силу его «субъективности» и практической неэффективности. Отчасти их критика заслуживает внимания. Однако в истории развития отечественного права встречается немало примеров, когда акты систематизации законодательства (Судебники 1497 и 1550 гг., Свод законов Российской империи и др.) оказывали определяющее воздействие на

¹ Кодан С. В. Становление системы законодательства Российской Империи (XIX – начало XX в.) // Всерос. науч.-аналит. журн. 2011. № 1. С. 61–65.

² СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

³ Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 87.

структуру права. Кроме того, существуют механизмы (например, изменение содержания правового регулирования и интеграция нормативных предписаний в рамках единого систематизированного акта), которые позволяют законодателю опосредованно влиять на структуру права.

Безусловно, в области юридической техники, а точнее, в области разработки и подготовки нормативных правовых актов остается еще огромное количество вопросов, в частности о том, насколько возможно и обоснованно придавать тому или иному нормативному правовому акту статус кодекса и как это повлияет на структуру права. Но помня о теснейшей взаимосвязи между системой законодательства и структурой системы права, мы полагаем, что наличие кодифицированного акта вполне может отражать определенные особенности структуры права, а издание кодифицированных актов – оказывать необходимое преобразующее воздействие на эту структуру.

Библиография

Азми Д. М. Историко-теоретический и методологический анализ структуры права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

Азми Д. М. Структура системы права: понимание, значение, срезы // Академ. юрид. журн. 2010. № 1.

Азми Д. М. Факторы и вариации структуризации права // Современное право. 2010. № 9.

Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975.

Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963.

Васильев В. В. Системность гражданского права // Право и государство: теория и практика. 2011. № 2.

Воздушный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

Головина А. А. К вопросу о понятии критериев отраслеобразования в системе российского права, их теоретическом и практическом значении // Право и государство: теория и практика. 2011. № 6.

Головина А. А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961.

Кодан С. В. Становление системы законодательства Российской Империи (XIX – начало XX в.) // Всерос. науч.-аналит. журн. 2011. № 1.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2013 г. № 273-ФЗ (с изм. от 31 декабря 2014 г.) // СЗ РФ. 2013. № 53 (Ч. 1). Ст. 7598.

Об образовании: Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (с изм. от 12 ноября 2012 г.) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 396.

Поленина С. В. Система права и система законодательства в современных условиях // Правоведение. 1987. № 5.

Свирин Ю. А. О критериях деления права по отраслям // Современное право. 2010. № 10.

Свирин Ю. А. Теоретические проблемы отраслевого деления системы российского права // История государства и права. 2011. № 9.

Систематизация хозяйственного законодательства. М., 1971.

Bibliography

Alekseev S. S. Struktura sovetского prava. M., 1975.

Azmi D. M. Faktory i variacii strukturizacii prava // Sovremennoe pravo. 2010. № 9.

Azmi D. M. Istoriko-teoreticheskij i metodologicheskij analiz struktury prava: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2011.

Azmi D. M. Struktura sistemy prava: ponimanie, znachenie, srezy // Akadem. yurid. zhurn. 2010. № 1.

Bratus' S. N. Predmet i sistema sovetского grazhdanskogo prava. M., 1963.

Golovina A. A. К вопросу о понятии критериев отраслеобразования в системе российского права, их теоретическом и практическом значении // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2011. № 6.

Golovina A. A. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

Ioffe O. S., Shargorodskij M. D. Вопросы теории права. М., 1961.

Kodan S. V. Stanovlenie sistemy zakonodatel'stva Rossijskoj Imperii (XIX – nachalo XX v.) // *Vseros. nauch.-analit. zhurn.* 2011. № 1.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации // *SZ RF*. 2015. № 10. Ст. 1391.

Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2013 г. № 273-ФЗ (с изм. от 31 декабря 2014 г.) // *SZ RF*. 2013. № 53 (Ch. 1). Ст. 7598.

Об образовании: Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (с изм. от 12 ноября 2012 г.) // *SZ RF*. 1996. № 3. Ст. 396.

Polenina S. V. Sistema prava i sistema zakonodatel'stva v sovremennyx usloviyax // *Pravovedenie*. 1987. № 5.

Систематизация хозяйственного законодательства. М., 1971.

Svirin Yu. A. О критериях деления права по отраслям // *Sovremennoe pravo*. 2010. № 10.

Svirin Yu. A. Teoreticheskie problemy otraslevogo deleniya sistemy russkogo prava // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2011. № 9.

Vasil'ev V. V. Sistemnost' grazhdanskogo prava // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2011. № 2. Воздушный кодекс Российской Федерации // *SZ RF*. 1997. № 12. Ст. 1383.